

УДК 67(410.1)“19”

ББК Т1(4Вел)

ГСНТИ 03.09

Код ВАК 07.00.02

Л.В. Коробицына

Екатеринбург

ПУТЬ А.ДЖ.П. ТЕЙЛОРА К НАУКЕ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОБ ОДНОМ ИСТОРИКЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: подготовка научных кадров, британский историк, Манчестерская историческая школа, А.Дж.П. Тейлор, Л.Б. Нэмир.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена специфике подготовки научных исторических кадров в университетах Манчестера и Оксфорда на примере биографии А.Дж.П. Тейлора, знаменитого британского историка и интеллектуала XX в. внесшего вклад в развитие историографии Второй мировой войны.

L.V. Korobotsina

Yekaterinburg

THE WAY OF A.J.P. TAYLOR TO HISTORY STUDY, OR HISTORY ABOUT THE HISTORIAN

KEY WORDS: history students' training, British historian, Manchester history school, A.J.P. Taylor, L.B. Namier.

ABSTRACT: The article is devoted to style of history students' training in Manchester and Oxford Universities by the example of biography of A.J.P. Taylor, who was a famous British historian and intellectual and introduced an improvement in World War II historiography.

Реформа высшей школы в России ознаменовалась переходом к двухступенчатой европейской системе подготовки профессиональных кадров. Исходя из этого, возникает ряд вопросов относительно методики работы со студентами-историками. Меняем ли мы содержательную сторону образования, изменяя структурную?

В связи с этим актуальным становится обращение к британской исторической школе, которая долгое время занимает прочные позиции в мировом научном сообществе. Ее крупнейшим представителем был английский историк и публицист Алан Джон Персиваль Тейлор, творческий путь которого может стать ярким примером формирования европейского ученого. Обращение к его

биографии позволит познакомиться с рядом подходов и методик подготовки профессиональных историков.

В октябре 1924 г. Тейлор поступил в Оксфорд (Ориель-колледж). Его политические взгляды, сформировавшиеся еще в семье, сыграли свою роль. Позднее в автобиографии Тейлор напишет, что приверженность к марксизму оберегала его от всевозможных идей, предлагаемых университетом (3. С. 84). Либерально и даже радикально настроенные родители были для Алана примером для подражания. Еще будучи ребенком он имел возможность познакомиться с широким спектром работ социалистического толка через друга семьи Генри Сара, члена коммунистической партии. Радикализм и оппозиционность, заложенные с детства, определили особый стиль Тейлора как в публицистике, так и в науке.

Система работы Оксфорда остается традиционной на протяжении столетий: университет – это объединение колледжей, каждый из которых образует союз преподавателей и студентов разных специальностей. На их базе происходит взаимодействие между профессорами и новым поколением ученых. Свобода в выборе лекционных курсов, максимальная самостоятельность, разнообразие дискуссионных клубов и доступ к богатейшей библиотеке в мире определяют особый оксфордский образ жизни, способствующий максимальной реализации потенциала.

Учеба в Ориель-колледже, по воспоминаниям самого Тейлора дала ему не столько практические знания, необходимые историку, сколько развивала интеллект. Университет дал возможность, но выбор – воспользоваться этой возможностью или нет – оставалась за студентом. Заинтересовавшись историей Центральной Европы, Тейлор по завершении университета, отправляется в Вену, где начинает исследовательскую работу под руководством Альфреда Прибрама. Из автобиографии Тейлора: «Прежде я никогда не видел дипломатических документов и просто погрузился в эту пропасть без каких-либо инструкций. Я не знал разницы между официальным и частным письмом. Понятия не имел, как определить достоверность исторических сведений. Я даже не знал, что должен обратить внимание на общее количество документов, следствием незнания стал ненужный труд. В настоящее время аспиранты обучаются этим вещам на первых семинарах, я же работал так, словно никто прежде меня не работал в архивах» (3. С. 90 – 91).

Отсутствие минимальных знаний о работе в архиве у выпускника Оксфорда поражает. Очевидно, что реалии 20-х гг. XX в. слабо отражают современную ситуацию, и данный факт важен нам применительно к личности Тейлора. Мы сталкиваемся с поразительным явлением в интеллектуальной жизни: знанием является лишь то знание, которое приобретено на собственном опыте.

Крис Ригли, крупнейший британский исследователь жизни и творчества Тейлора, пишет: «Позднее Тейлор приуменьшал роль той помощи Альфреда Прибрама. В своей автобиографии он решительно заявляет в самом начале одного из параграфов: “После первоначальных советов [по работе над исследованием англо-австрийских отношений] Прибрам никогда не давал мне каких-либо других рекомендаций, и было бы неверно полагать, что на меня оказали влияние его методы и исторические взгляды” (6. С. 60). В целом для Тейлора свойственно отрицать чье либо воздействие на его научные взгляды, методы и стиль. Он стремился представить себя человеком, сформировавшимся самостоятельно, независимо от чьего бы то ни было мнения.

Справедлива или нет позиция А.Дж.П. Тейлора по отношению к наставникам, судить сложно, однако обращение к другим источникам показывает, что у самого Тейлора на этот счет мнение было не однозначное. Из предисловия к книге «Итальянская проблема в европейской дипломатии 1847-1849»: «От профессора Прибрама я впервые узнал о роли истории дипломатии, он научил меня тонкостям исследовательского мастерства» (4. С. vii-viii). Вполне достойное упоминание наставника в первой научной работе, изданной в Манчестере в 1934 г.

В 1930 г. Тейлор возвращается в Англию и направляется на работу в упомянутый выше Манчестер, куда приглашен в качестве преподавателя новой истории Европы. К началу XX в. исторический факультет Манчестерского университета успел снискать признание в научных кругах Британии. Связано это было с личностью Томаса Ф. Тоута, находившегося на посту декана с 1890 по 1925 гг. и разработавшего новую систему подготовки научных кадров. В статье посвященной деятельности историка, Т.Ф. Тоут писал: «Наша [историков] первостепенная задача узнать о прошлом настолько много, насколько мы можем. Поэтому наши методы должны быть методами наблюдательной науки; как и любому другому

высококвалифицированному специалисту, нам требуется мастерство. Более того, ценность нашего образования заключается не в накоплении массы разрозненных фактов, а в обучении методам, доказательности и понимании смысла исторического исследования. [...] Ни одно историческое образование не может считаться завершенным, если оно не включает методологический подготовки. Лучший способ научиться методологии – заняться своим исследованием» (5. С. 100).

Система преподавания истории в Манчестере, разработанная Тоутом, включала в себя деление студентов на три категории. Первая категория – это студенты, получающие базовые знания по истории и специализирующиеся по другим направлениям. Вторая категория – это учащиеся исторического факультета, работающие в режиме лекции, семинары, экзамены (схоже с нашим вузовским образованием). Третья категория, или привилегированные студенты, решившие посвятить себя науке, занимались по собственному индивидуальному графику, основную часть учебного времени посвящая исследовательской работе в архивах и библиотеках, а так же посещая семинары в малых группах.

Тейлор высоко оценил эту систему, введенную Тоутом, когда вновь вернулся в Оксфорд уже в качестве преподавателя. Из автобиографии: «В Манчестере мы концентрировались на подготовке историков. В Магдален [один из старейших колледжей Оксфорда], как и в других колледжах, все были заинтересованы в выставлении высоких экзаменационных баллов студентам. Обучение приспособлялось к этой цели. Лучшим преподавателем был тот, кто научил учеников ухищрениям на экзаменах» (3. С. 138).

Кэтрин Берк, исследователь жизни Тейлора, в книге «Нарушитель спокойствия» отмечает, что для Манчестерской школы характерен ориентир на научную деятельность и активную публикацию результатов исследований. Она также полагает, что опыт работы в этом университете обусловил появление у Тейлора того самого стиля, который в будущем придаст его общественной и научной деятельности особый антураж (1. С. 103 – 148).

Профессиональный рост любого ученого определяется не только личными качествами – он напрямую связан с окружением, формирующим интеллектуальное пространство. К. Ригли выделяет в жизни Тейлора две ключевые фигуры, повлиявшие на его научную и

общественную деятельность. Первым наставником был Г. Сара, открывший перед юным Аланом мир политической интеллектуальной мысли, вторым – Льюис Б. Нэмир, профессор Манчестерского университета, крупный ученый-историк и харизматичная личность (6. С. 23).

Молодой Тейлор, прибывший из Вены в Манчестер в 1930 г., зарекомендовал себя как специалист по истории Центральной Европы. Этим он, по большому счету привлек внимание научной среды. В это же самое время в университете работал Л.Б. Нэмир непререкаемый авторитет по вопросам новой истории стран Восточной Европы. В 1931 г. ему был предложен пост профессора истории нового времени, в то время как Тейлор работал лектором по тому же периоду. Совместная работа и наличие общих научных интересов сблизили двух ученых.

Льюис Бернштейн Нэмир (1888-1960) – английский историк. Родился в Польше на территории Российской Империи в семье катализованных евреев. В 1906 г. начал изучать право в Львовском университете, а спустя год перевелся в Лондонскую школу экономики, а в 1908 г. в Баллиол-колледж Оксфорда, где и сфокусировал внимание на изучении Новой истории стран Запада. Он активно участвовал в политической жизни Британии, являлся консультантом Министерства иностранных дел и участником сионистского движения. До 1953 г. Нэмир работал в Манчестерском университете и по свидетельству современных преподавателей, его подходы в преподавании политологии остаются актуальными до сих пор.

В более зрелые годы Тейлор всячески пытался отрицать наличие какого бы то ни было влияния на него со стороны Нэмира. Подобные разговоры вызывали в нем, по меньшей мере, раздражение. В 1980 г. Крис Ригли подготовил библиографию работ Тейлора, в предисловии к которой упоминался Нэмир. Это вызвало острую неприязнь у знаменитого «нарушителя спокойствия» (6. С. 70). Образ человека оппозиционного, отрицающего устоявшиеся принципы, имеющего свою точку зрения на любой счет, исключал наличие кумиров. До самой смерти для Тейлора будет важно сохранить имидж бунтаря, а бунтари обычно не любят, чтобы у них были мудрые наставники.

В Манчестере даже спустя много лет после ухода Тейлора с должности лектора, его воспринимали как протеже Л.Б. Нэмира.

Справедливо это или нет, судить сложно. Тем не менее, общий ход мыслей и реакций человека на те или иные события чаще всего остается неизменным. В отношениях Тейлора со своими наставниками мы видим одну и ту же схему: восхищение, копирование, отказ. Перенимая знания, умения, характерные черты у своих менторов, он, словно бы исчерпав источник, шел дальше и приписывал приобретенное у них исключительно себе самому.

Г. Сара, друг семьи, находившийся долгие годы в разряде кумиров с 1930 г. по возвращении Тейлора из Вены перестает быть для него непререкаемым авторитетом в вопросах политики. А. Прибрам после своей смерти в 1942 г. был обвинен Тейлором в несостоятельности: «Содержание его работ по истории дипломатии просто и убого, без малейшей приправы интереса к человеку. В основном они базируются на британских и австро-венгерских документах, опубликованных в межвоенные годы. Те, кто захотят обратиться к ним, обнаружат, что труды Прибрама представляют собой пересказ документов»(2. С. 4).

В 1930 г. в жизни Тейлора появляется фигура Л.Б. Нэмира, который открывает перед ним мир большой науки, учит его глубокому анализу исторических событий через призму столетий. Для Тейлора тесное сотрудничество с Нэмиром дало доступ к целому кладезю информации по интересующему его региону. Как выходец из Польши, Льюис Бернштейн был свидетелем недавних событий происходящих в Центральной и Восточной Европе в начале XX в. Более того, мы можем быть более чем уверены, что он не только пересказывал произошедшее (что в прочем само по себе ценно), но и придавал это анализу, искал истоки современного в прошлом.

Если под руководством Прибрама Тейлор пишет об итальянской проблеме в европейской дипломатии (в 1934 г. издает книгу), то уже в 1938 - 1955 гг. он обращается к Бисмарку и задается вопросом об агрессивной политике Германии, берущей начало в XIX в. Без этих исследований не было бы знаменитой книги «Истоки Второй мировой войны», в которой он связывает воедино деятельность Бисмарка, Первую и Вторую мировые войны. Таким образом, мы видим, что встреча с Нэмиром во многом определила дальнейших ход мыслей Тейлора.

Очевидно, что работа в Манчестерском университете заложила базу для дальнейшей научной и преподавательской деятельности

А.Дж.П. Тейлора. В своих воспоминаниях он писал: «Эти огромные классы были скорее похожи на помещения для массовых митингов, чем на университетские аудитории. Никогда не было меньше ста студентов, а чаще ближе к двумстам. Поначалу я просто зачитывал вслух информацию, собранную из древних учебников, но вскоре решил больше никогда этого не делать. Я выбросил все заметки, выбрал тему и, войдя в аудиторию, рассказал все, что пришло мне в голову. [...] Не знаю, получили ли студенты какую-то пользу от моих лекций, но я, безусловно, получил, научившись без страха обращаться к широкой аудитории» (3. С. 103 – 104).

После Манчестера Тейлор станет один из самых популярных преподавателей в Оксфорде, для его лекций будут освобождать огромные залы, на него будут ходить студенты с других факультетов – он будет звездой. Но начиналось все с провинциального университета, который он не очень любил, а скорее терпел, как неизбежный этап для признания в Оксбридже.

Сквозь короткий отрезок жизни английского историка, мы затронули малую толику интеллектуальной жизни Европы: от обучения в самом престижном университете мира, через стажировку в Вене, до работы в провинциальном, но не менее достойном университете Манчестера. Учителя и наставники Тейлора, недооцененные и непризнанные своим учеником, все же оставили неизгладимый след в его научной деятельности, и человеческой судьбе. Подготовка научных кадров хотя и может поддаваться некоей унификации и стандартизации, как это удалось осуществить Тоуту, но в основе интеллектуального развития человека в первую очередь лежит диалог, взаимодействие между поколениями историков, обмен идеями и опытом. В этой статье мы обратились к наставникам А.Дж.П. Тейлора, но не менее важным и интересным в рамках британской интеллектуальной культуры является наличие разнообразных дискуссионных клубов, раскрывающих потенциал человека и будущего ученого.

Литература:

1. Burk, K. Troublemaker. The Life and History of A.J.P. Taylor. London: Yale University Press, 2000
2. Manchester Guardian. 1951. 25 September.
3. Taylor A.J.P. A Personal History. London: Hamish Hamilton, 1983.

4. Taylor A.J.P. The Italian Problem in European Diplomacy. Manchester University Press, 1934.
5. Tout T.F. An historical "Laboratory" // The Collected Papers of Thomas Frederick Tout. 1932. Vol. 3.
6. Wrigley C.J. A.J.P. Taylor: Radical Historian of Europe. London: Tauris, 2006.

УДК 37.016:93

ББК ТЗр31

ГСНТИ 03.09

Код ВАК 07.00.09

Т.А. Леонова, И.А. Шутелева

Уфа

**«НОВАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»: ТЕОРИЯ И МЕДИА
ПРОЕКТЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «новая локальная история», микроистория, реконструкция, медиа проект, повседневная жизнь, визуализация

АННОТАЦИЯ: В статье дана развернутая характеристика «новой локальной истории», получившей название тотальная история на микроуровне или микроистория. Показан опыт использования ее методов при создании визуальной реконструкции повседневной жизни человека в рамках студенческого медиа-проекта.

T.A. Leonova, I.A. Shuteleva

Ufa

**«NEW LOCAL HISTORY»: THEORY AND MEDIA
PROJECTS HISTORICAL EDUCATION OF
PEDAGOGICAL HIGH SCHOOL**

KEY WORDS: «A new local history» microhistory, reconstruction, media design, everyday life, visualization

ABSTRACT: The paper presents the detailed characteristics of the «new local history», dubbed total history at the micro or microhistory. The experience of using its methods when creating a visual reconstruction of everyday life within the student media project.

С легкой руки Ф. Анкерсмита историков делят на «парашютистов» и «искателей трюфелей» (1. Р.116). В более пристойном современном научном лексиконе, сучётом современных